

О своем деде, литологической дискуссии и студенческом геологическом кружке «Петрограф»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1599>

22 мая 2013

Собеседник

Флоренский Павел Васильевич

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 22 мая 2013 и опубликована 7 апреля 2014.

Введение

В первой беседе Павел Васильевич рассказывает о нескольких поколениях русской и армянской ветвей своего рода. Центральной фигурой повествования становится знаменитый дед ученого, Павел Флоренский — исследователь, священник и богослов, расстрелянный в 1937 году после продолжительного заключения в советских лагерях. Для рода Флоренских характерен глубокий уровень идейной и профессиональной преемственности — сам Павел Васильевич геолог в четвертом поколении, получивший от семьи не только христианскую веру и систему ценностей, но и задел научной работы: многое в его трудах и трудах отца представляет собой развитие идей, сформулированных в лагерных письмах деда.

Рассказ ученого постоянно возвращается к его герметичной и самодостаточной семье и ее окружению: Павел Васильевич вспоминает о сложных отношениях с учениками отца и подробно рассказывает о литологической дискуссии конца 1940-х годов, в ходе которой «стенка на стенку» схлестнулись научные школы Н.М. Страхова и Л.В. Пустовалова (со второй был тесно связан В.П. Флоренский).

Павел Васильевич — уважающий себя и своенравный, порой резкий в суждениях человек — носитель дореволюционной интеллигентской традиции, сбереженной несколькими поколениями его рода.

Юрий Вадимович Самодуров: Сегодня у нас 22 мая 2013 года. Я в гостях у Павла Васильевича Флоренского, доктора геолого-минералогических наук и профессора...

Павел Васильевич Флоренский: Профессора РГУ нефти и газа имени Губкина. Сразу замечаю, что я не то, что родился, я зачат был в этом институте. Потому что, когда я запланирован был, отец уже работал в губкинском институте. Потом вся жизнь там. Я помню наш институт во время военной в эвакуации, тут уж совсем я сперматозавр, понимаете ли. Ну и так далее. Всю жизнь учился, потом работал...

О прадеде-инженере, армянской прабабушке и об их жизни в Тифлисе

Ю.С.: Вот, давайте и начнем, где родились, где росли?

П.Ф.: Нет-нет.

Ю.С.: А как вы хотите?

П.Ф.: От Адама, от Адама.

Ю.С.: Ну, попробуем от Адама.

П.Ф.: Почему от Адама? Да потому, что наша геологическая линия начинается от Адама в том смысле, что мой прадед Александр Иванович Флоренский, сын военного врача, полковника на Кавказской войне. Он был врач, достаточно широко образованный, книжник.

Ю.С.: Полковник на Кавказской войне — это как-то... там столько войн. Скажите, когда это было.

П.Ф.: Это 50-е годы позапрошлого века. Собственно, он и дал нам дворянство. Хотя чекисты писали про деда в расстрельных бумагах, что он из древнего дворянского рода, но это не так. Русская линия начинается с того, что прапрадед стал полковником, получил боевые ордена. А по армянской линии... ну, это попозже.

Ю.С.: И получил дворянство?

П.Ф.: Да, автоматически считался дворянином. Но я искал в книгах дворянских. Нас нету. Было уже всем наплевать, никого не занимало, и не записывалось, как правило. Хотя по всем законам Российской Империи он автоматически становился дворянином, что и подтверждали чекисты в расстрельных бумагах. А эти разбирались. Его сын, Александр Иванович, учился сначала во Владикавказе, потом в Тифлисе. При нем жила сестра, мать умерла при его рождении. Так что он жил, в общем-то, один, формировал сам себя в громадной степени.

Здесь как-то у меня спросили: «Павел Васильевич, как ваш дед Павел Александрович относился к Блаватской?» На что я сказал: «Вы знаете, у Блаватских с Флоренскими отношения не сложились — личные». Дело в том, что муж сестры Блаватской (Блаватская из Тифлиса) был директором гимназии, очень жестокий был директор, противный. А на Кавказе было принято убивать учителей или их избивать. Это распространенная традиция. Старшеклассники постановили бить морду директору, и жребий выпал на моего прадеда. Так что мой прадед бил морду мужу сестры Блаватской, поэтому у нас с антропософией как-то отношения личные не сложились (*смеется*). Но посмотрите, какое время было — общественность встала на его защиту.

Ю.С.: Это все происходило в Тифлисе?

П.Ф.: Это Тифлис, да, да, в Тифлисе, 50-е — 60-е годы. Встала на его защиту, и ему разрешили сдать экстерном экзамены, и после этого он поступил в железнодорожный институт императора Александра III в Санкт-Петербурге. А железнодорожники тогда были повыше нынешних космонавтов. Собственно, тогда железнодорожный бум в России был. Он институт кончил, вернулся на Кавказ и работал на Кавказе.

Ю.С.: Ну, а женская?

П.Ф.: Он женился на армянке, происхождение которой восходит к Великому Абову. Это один из царей...

Ю.С.: К великому?

П.Ф.: Абов! Да. А дальше уже очень просто, у армян это все наверняка построено. В общем, родословная прослежена до Адама.

” Это был уже обедневший род, ее отец был тифлисским купцом, которого разорил его приказчик. А приказчиком был Манташев, который стал миллиардером нефтяным и заправил нефть вместе с Нобелем на Кавказе. Так что стартовый капитал был украден у моего прапрадеда. Вот.

Александр Иванович был инженер в самом широком смысле этого слова. Он бурил скважины для строительства мостов, он строил, под конец жизни был заместителем управляющего всеми дорогами Закавказья, в общем, замминистра путей сообщения Закавказья. В генеральском чине умер, что подтвердило наше дворянство. У него Станислав был, еще какие-то ордена были.

Ю.С.: Это прадед?

П.Ф.: Это прадед. Я говорю о прадеде, Александре Ивановиче. Тут сложность в семье была, конечно, большая, потому что когда брак смешанный, да еще смешанный религиозно, семья всегда сидит на бомбе.

Ю.С.: Каким образом он религиозно смешан?

П.Ф.: Она григорианка, армянка.

Ю.С.: Как это сказывалось, на чем?

П.Ф.: Это всегда сказывается! Это всегда сказывается в подсознании, везде. Другие, иные. В частности, прапрадед, отец Ольги Павловны, моей прабабушки, по сути дела отказался от нее, как от вышедшей замуж за русского. Нормально. Когда армянский царь Тигран Великий женился на дочери одного из царей, а она не была армянкой, он зарезал всех троих, рожденных ею сыновей, умертвил — во избежание неприятностей. Так что на Кавказе, вообще говоря, расправляться с сыновьями принято.

Так что напряжение было. Но оба они были, конечно, в этом плане великие люди, и они бесконечно любили друг друга. Это семья удивительной гармонии. И, может быть, даже поэтому семья была арелигиозной. Что касается дружбы, то из родственников Александра Ивановича была только его сестра Юлия, которая жила у них в семье. И все время в их доме были армяне, гостили, и они гостили у сестер Ольги Павловны. Все это Тифлис и окрестности.

Ю.С.: Сестры Ольги Павловны?

П.Ф.: Ольга Павловна — прабабушка, жена Александра Ивановича. Не могу вспомнить, одна из сестер Ольги Павловны была замужем за очень богатым армянином, и по его заказу прадед обустроивал их имение около Гянджи. Это Кировабад. Обустроивал и обнес его якобы декоративной стеной. Когда началась очередная резня армян, то со всех деревень сбежали к нему за стены, и армяне оборонялись. Он их, значит, спас. Вот. У нас в семье всегда был культ Кавказа. Именно Кавказа, не скажу, что Армении, потому что все кавказское было у нас любимо, почитаемо, уважаемо.

Ю.С.: Это в вашем детстве?

П.Ф.: И в моем детстве тоже, несомненно.

Ю.С.: То есть это все действительно в вашем детстве играло роль?

П.Ф.: Да. Стены обвешаны портретами этих носатых бабушек, тетушек, фотографии, альбомы их. Кавказ как этнографическая составляющая была очень сильна в семье. Поэтому я кавказец и ввязываюсь в кавказские дела и сейчас, чем вызываю раздражение у всех моих друзей и знакомых.

Я сейчас куратор (не знаю, состою или уже отменили, но официально меня не отменяли), куратор кавказских студентов у нас в институте.

” Это было очень важно, когда к нам поступали чеченцы, обстрелянные чеченцы с совершенно стеклянными глазами. Человек, который стволы видел, это другой человек, совершенно. Ко второму, к третьему курсу они начинали улыбаться, смеяться, а до этого ребята были в очень тяжелом состоянии, естественно агрессивны, и нужно было их вытягивать.

К пятому курсу становились такими же лоботрясами, как и все остальные, все нормально. А первый, второй курс они были тяжелы. Ну, вот. Прадед строил дороги, он действительно был дорожный инженер, сохранились документы, его деловая переписка. Естественно, все это на геологической основе строилось — горные дороги.

Ю.С.: То есть дороги и шоссейные, и железные?

П.Ф.: И те, и другие. Дед, уже не прадед, а дед родился вот как раз около Кировабада, когда дед строил дорогу от Баку до Тифлиса. Так что он, считайте, в вагончике родился. Так оно и было, вагон был увешан коврами, это не брезентуха, но все-таки. Дед родился в полевых условиях. Потом прадед переехал в Батум, там заведовал и строил дороги.

Семья была очень высокого культурного уровня. У прадеда семеро детей было, он их обожал, занимался ими очень много. Дед говорил, что я сидел делал уроки, и папа, как всегда, сидел и смотрел на меня. Представьте себе (*улыбается*), просто любовался сыном. Выписывались иностранные журналы, «Nature» французский выписывался.

Ю.С.: Жили в Тифлисе?

П.Ф.: Да, да. Тифлис был очень высокого культурного уровня город, высочайшего, поверьте мне. Учителя, педагоги — это фантастика какая-то! Это был действительно интернациональный город, но не грузинский. В классе у Флоренского на первом месте стояли русские и армяне, грузин было гораздо меньше. Потом там поляки были, евреи, пропорционально населению. Из евреев там был тот, кто станет потом Каменевым, военным министром при Ленине. Он однокашник Флоренского. А из грузин Асатиани, психиатр, который был некоторое время женат на сестре Павла Александровича, потом они развелись. Так что семья получала очень большую подпитку естественными науками. Я не чувствую, чтоб там было много философии, но искусство было. Семья, повторяю, была атеистической.

Ю.С.: А материально как было? Все-таки много детей?

П.Ф.: Он был очень богатый человек. Ну, не очень, но богатый. У него домик был одноэтажный в Тифлисе, собственный. Он мог послать свою дочку Юлию в Швейцарию учиться, он мог послать своего сына Павла в Московский университет учиться. Это был достаточно богатый человек по тем временам. Генеральский чин у него был в конце жизни. Это не роскошно, но богатый.

Должен сказать, что Ольга Павловна, прабабушка, была болезненно бережлива, нет, не до жадности, там жадности не было, но болезненно бережлива и экономична. Я с детства помню историю, а она иногда жила в Загорске, и у нее протухли яйца. Она просто откладывала их, не ела. Дело в том, что ее отец рано

умер, а старший брат обобрал сестер и, в общем, сестры жили в бедности. Если бы они не вышли хорошо замуж... Не очень были богаты, в общем.

Естественнонаучные и исторические увлечения П.А. Флоренского

Детей в значительной степени, особенно сыновей, естественными науками пытали. Дочки стали: одна врачом, остальные художницами, одна поэтесса очень хорошая, стала другом Мережковского и Гиппиус. Павел очень был увлечен в гимназии естественными науками, сохранились его записи, дневники, он конспектировал безумное количество литературы, сохранились его — школьник — конспекты всяких физических журналов. Проводил опыты, ездил в Германию, там ему накупили приборов каких-то, уникальных совершенно по тем временам.

” Он проводил опыты, вел тетради, и потом, когда в 20-е годы издал книжку «Диэлектрики и их техническое применение», по сути дела заложившую полупроводниковую промышленность, то книжка, как оказалось, основана на школьных опытах. В университете он этим не занимался и в духовной академии тоже. Просто извлек свои школьные опыты.

Их троица была друзей: Ельчанинов, Эрн и Флоренский.

Ю.С.: Друзей по гимназии? По университету?

П.Ф.: В гимназии, это гимназия. Нет, университет — уже другие дела. Они до революции были вместе. Во время революции Эрн умер, а Ельчанинов уехал во Францию, а до этого они были вместе, очень плотно. Как религиозные деятели потом, а тогда как мальчишки. У меня здесь лежат альбомы с его зарисовками, причем зарисовки и археологические, и исторические, и геологические. Они увлекались сбором окаменелостей, собирали коллекции окаменелостей. В принципе в Тбилиси нельзя не заниматься геологией. У нас что? Подольск, еще два, три места. А там все насыщено минералами, камнями, геологией с пластами, слоями.

Второй брат, Александр, вообще стал геологом, который сгинул в Магадане. Третий брат, он уже совсем позже был, стал инженером, делал самые большие пушки в мире, береговую артиллерию делал во время войны, лауреат, орденосец и прочее. Таким образом, естественнонаучная составляющая была заложена в моем деде. Он великолепно разбирался в минералах, в геологии. В частности, когда уже во время революции встал вопрос о сохранении ризницы Троице-Сергиевой Лавры... По сути дела, две ризницы сохранились, и третья — на Украине. Кремлевский музей, часть, далеко не полная, ризницы Киево-Печерской Лавры (нет, пожалуй, она не сохранилась, она здорово разворована), и Троице-Сергиева Лавра сохранена. Дед, их там несколько человек было, но он был одним из идеологов этого сохранения.

Ю.С.: До этого еще надо дойти.

П.Ф.: Подождите, подождите, я к чему это говорю. Он занялся (у него и об иконах, и прочее) драгоценными камнями. Он составил словарь древнерусских названий драгоценных камней. Вот пытаюсь издать этот словарик, но черновики — это разрозненные клочья бумаги. Но я отвлекся на другую его работу: они собирали с Розановым монеты и переписывались. И сохранилась переписка Флоренского и Розанова. Я оттуда отпрепарировал, где они говорят о монетах, и вот сейчас, сию секунду жду очередных звонков из редакции. Я эту переписку издал, а с помощью сына, который нумизмат, и его друзей мы нашли монеты, которые там упоминаются. Я вам потом покажу, просто в компьютере это сидит. Таким образом, естественнонаучная и историческая составляющая была очень сильна в деде.

Ю.С.: От деда до вас ведь все-таки... Как это взаимодействовало с вами?

П.Ф.: Подождите, это напрямую. По-моему, это гораздо более интересно, чем мои сентенции по поводу современной геологии. Тут вам наболтать кто угодно может. А вот такую геологическую генетику мало кто. Во-первых, она мало у кого есть, а во-вторых, мало кто помнит и будет смаковать. А после революции дед просто готовил своих сыновей в естественные науки. Сам он работал по физике, по электричеству, а их готовил.

Ю.С.: Ну, тогда надо сказать, что он кончил.

П.Ф.: А! В конце школы у деда был...

” **Перед ним открылся Бог. Это было чудо, он услышал голос и в корне перевернул свои естественнонаучные знания. Усомнился во всесии науки, что характерно было для XIX века, и стал активно религиозным, полагая, что через религию можно познать и создать синтез знания о Земле.**

Да, вот, что очень важно и интересно. Там [в гимназии] был Гехтман Георгий Николаевич, по-моему, из крещеных евреев. Еврейский след в русской религиозной философии гигантский, который недопонимают. У меня есть его портрет. Он воспитал этих ребят, он воспитал Бурлюков, Каменева...

Ю.С.: В гимназии?

П.Ф.: В гимназии, да-да, он преподавал историю и вел философские... Этих троих «религиозных философов»: Флоренского, Эрна, Ельчанинова. Церетели тоже. Все одна компания, один выпуск. Революционеры.

Ю.С.: Церетели?

П.Ф.: Нет, не скульптор. Дед поступил в университет.

Учеба П.А. Флоренского в Московском университете, дружба с Н.Н. Лузиным

Ю.С.: В университет московский?

П.Ф.: В московский. Он поступал в петербургский, там его не приняли, он по медали поступал. И он быстро перебежал в московский, тут удалось ему успеть попасть в университет. Он кончил первым или вторым курс.

Ю.С.: Какое отделение?

П.Ф.: Физико-математическое, математик. На курс младше его друг — будущий академик Лузин. Он учился у Бугаева, отца Андрея Белого, у Лахтина. Вот это его учителя.

Ю.С.: С Лузиным они дружили?

П.Ф.: Да, несомненно, очень дружили. Более того, дед, на беду Лузина, его венчал. Был ужасный брак у Лузина, сломленный был человек в этом плане, да и учениками-педерастами тоже. Тяжелая очень судьба была, у него у самого-то был тяжелый характер, но и постоянно нарывался на неприятности. По сути дела Лузина спас Сталин. Не по сути, а так и было, потому что наши великие и голубые математики, Колмогоров, Александров, травили его, ну а травить в основном на политике можно было. Кроме того, он принадлежал к московской математической школе во главе с Егоровым, а это были откровенно религиозные люди. Кржижановский понес Сталину на доклад документы на Лузина после ряда статей

в газетах этих голубых ребят, а когда он вышел, то через три дня вышла статья о замечательном математике Лузине в «Правде». Так что его Сталин загородил. Ладно, вы о Лузине спросили, я ответил. Они очень близки были в студенческие годы, в 20-е годы.

Ю.С.: Осталось что-то в бумагах? Откуда эти...

П.Ф.: Переписка Флоренского с Лузиным опубликована.

Ю.С.: А, понятно.

П.Ф.: Математики очень увлечены этой перепиской, раздраконили всю. Потом Лузин несколько раз прохаживался по Флоренскому, ну, мало ли кто чего говорит, но это отнюдь не было враждой, а может, акцентировалось женой.

И дед насаждал, здесь уже 20-е годы, насаждал в семье естественнонаучное настроение, не математику, не физику, а естествознание. Он готовил из двух старших сыновей геологов, старшую дочь готовил в ботаники, он очень любил ботанику и знал великолепно. Ну, а младшие сын и дочка маленькие были, когда деда арестовали...

О бабушке

Ю.С.: А жили где?

П.Ф.: Сейчас-сейчас. По окончании университета он, несмотря на предложение остаться в профессоруре, в преподавателях, снова поступил учиться — в Московскую духовную академию и переехал в Сергиев Посад. По окончании академии он сначала хотел сразу идти в монахи, но его духовник не пустил, за что я ему очень благодарен, он обеспечил мое существование. В конце духовной академии, по-видимому, его готовили в монахи, в священники — сделать такую карьеру, но он женился на моей бабушке, сестре своего ученика. Ну, и слава Богу, что женился.

Ю.С.: И кто бабушка была?

П.Ф.: Бабушка была из очень простой, крестьянской, рязанской семьи. Она такая скуластая была, татаристое немножко лицо, замечательный был человек. Это самый любимый человек в нашей семье, человек великой мудрости, доброты.

Ю.С.: А как ее звали?

П.Ф.: Анна Михайловна. Доброты, причем не такой сопливой, знаете, отдал... Нет, это была активная, созидаящая доброта. Очень много хорошего из того, что у нас есть...

Ю.С.: А какое-то образование было у бабушки?

П.Ф.: Гимназия, но она писала с ошибками, без запятых. Она спрашивает у деда, в концлагерь, по-моему: «Делаю ли я ошибки в письмах?» Он говорит: «Да, делаешь, и много, пунктуацию ты не соблюдаешь, но мне так мило и дорого и это, все, что исходит от тебя». Вот.

В дом въехала ее мама, теща, с именем Надежда. Это имя не дай Бог в роли тещи или свекрухи, да и жены тоже. Волевая, сильная, она, вообще говоря, держала дом, великолепно вела хозяйство, но и тяжело было деду в доме, по-моему, потому что с начала 20-х годов он работал и жил уже в Москве.

Ю.С.: А семья в Загорске?

П.Ф.: А семья в Загорске, да. Потом, в конце 20-х, по окончании школы мой отец переехал к нему, но это было недолго, вскоре деда арестовали. Да, в 24-м году он Кирилла и Василия взял с собой в экспедицию. Он поехал от ВЭИ обследовать месторождения базальта в Закавказье.

Арест П.А. Флоренского. Отношение П.А. Флоренского к В.И. Вернадскому

Ю.С.: Что такое ВЭИ?

П.Ф.: Всесоюзный экспериментальный электротехнический институт, где работал дед, он был замдиректора по научной работе под конец работы там. Более того, институт очень стоял за него... Его первый раз арестовали в 28-м году, сейчас соображу, в 29-м, и когда он вернулся, его тут же восстановили с повышением. Его Пешкова выхлопотала из ссылки. Когда моего отца приняли в университет, в комсомолке была статья, что поповские дети по блату учатся в университете.

Ю.С.: С фамилией?

П.Ф.: Да, да. Отец был травмированный человек совершенно. Партячейка ВЭИ встала на защиту и написала протест, что не трогайте наших сотрудников, вы расстраиваете нашего Флоренского, а это мешает работе. Вы должны опубликовать опровержение. Опровержение не опубликовали, но отца восстановили. Представляете, в «Комсомолке» о том, что поповское это и вас надо гнать в три шеи. Отец был очень ломан. Вот, значит, отец поступил в университет на геологическое отделение, на кафедру петрографии. Лучицкий был самый близкий преподаватель. Вообще созвездие преподавателей, конечно... Я вам дарил свою книжку «„Петрограф“ на всю жизнь» или нет?

Ю.С.: Да.

П.Ф.: Вот там это я расписал с документами.

Ю.С.: Лучше сейчас назвать, чтоб прозвучало.

П.Ф.: Это книга, которую я написал, «„Петрограф“ на всю жизнь» о кружке «Петрограф», который создал отец одновременно со мной — в 1935-м — 1936-м годах. Я праздную юбилей свои и кружка вместе. В общем-то, он на год старше, в 35-м он создал петрографический кружок, а я родился в 36-м, но я уже планировался в это время. Он ездил со студентами всю жизнь... в сорок четыре года умер. Ездил со студентами на экскурсии, возил их на Военно-Грузинскую дорогу. Эту традицию я подхватил и весь Союз объездил, кроме Дальнего Востока, со своими студентами.

Ю.С.: Вот здесь надо, мне кажется, чуть побольше и об отце, и о том, как на вас сказалась его геология.

П.Ф.: Да, конечно, конечно, я к этому и клоню. Таким образом, геология была заложена в детстве. В 1947 году, двенадцати—тринадцати лет я попал на геологическую студенческую практику. Если человек попал в экспедицию, то выйти из нее ему очень трудно. По-моему, это важно: отец как студент на практике был где-то в Архангельской области, потом в Забайкалье на другом курсе. Вот две экспедиции больших его. Когда он ехал в Архангельскую область через Ленинград, дед его направил к Вернадскому, и он с ним разговаривал. Дед очень любил Вернадского, из лагеря он писал: «Это единственный из ученых, с кем я мог бы разговаривать на интересующие меня темы».

Ю.С.: А как они познакомились?

П.Ф.: Я не знаю, как познакомились, знаю только, что в 29-м году, после первого ареста, дед писал в письме к Вернадскому: «Вот вы выделяете биосферу, а я полагаю, что на биосфере (это его формулировка) следовало бы выделить область вещества, еще одну оболочку — сферу, касающуюся области вещества, проработанного Духом».

Ю.С.: Какая-нибудь пневмосфера.

П.Ф.: Пневмосфера, да.

Обратите внимание: священник Флоренский предлагает гораздо более материалистическую составляющую человеческой оболочки, чем Вернадский. Ноосфера — это, по сути дела, контроль, несколько, так сказать, советским пахнет. Биосфера, контролируемая человеком. А здесь вещество, проработанное Духом. Это разные вещи.

Ю.С.: Есть, есть разница, да.

П.Ф.: Принципиально разный подход. Какой правилен? Да оба правильные, конечно, просто один так работает, другой — так. Описывают разные стороны человекосферы. Вот это, собственно, единственное свидетельство контакта, реальное. Да, он писал и с Дальнего Востока по поводу мерзлоты. Кстати, по поводу мерзлоты, это они с Каптеревым стали оживлять... начали с оживления рачков, потом тритоны оживлялись. Помните, с чего «ГУЛАГ» начинается? Зэки нашли в вечной мерзлоте лягушкозуба, это такое, типа тритона животное. Не ящерица и не тритон, а лягушкозуб, так он называется. И съели, он оказался съедобным. А дальше Солженицын комментирует, что просто голод такой был, что все, что угодно, готовы были съесть. Это развернуто было как открытие уже после того, как деда убрали в Соловки, в конце 30-х годов. Был грандиозный бум по замораживанию. Вот то, что сейчас хотят замораживать миллионеров, чтобы они в светлом будущем проснулись, это от них идет. Более того, термин «отморозок» — это от работ Флоренского и Каптерева.

Ю.С.: Да ну?

П.Ф.: Да-да-да, это оттуда — «отморозок» (*смеются*). Напрямую. Это доказывается. А вечная мерзлота — чистейшая геологическая работа, грунтоведение, потому что не все ли равно: известняк цементирует породу или вода.

Работа отца в Нефтяном институте

Вот, значит, вернемся к отцу. Отца взял на работу Зильберминц Вениамин Аркадьевич. Это был один из очень близких к Вернадскому людей, геохимик, минералог, замечательный человек. Я совсем недавно познакомился с его внучкой, а с его дочкой я был знаком. Но так как Зильберминца расстреляли вместе со всей Таджикско—Памирской экспедицией, она была Кравченко Лена. Ну, знакомы, и знакомы, мало ли, с кем я знаком. И уже после перестройки она говорит: «Павел Васильевич, а вы знаете, какая у меня девичья фамилия?» — «Не знаю». — «Зильберминц». Я так и сел, потому что найти сведения о Зильберминце я не мог. Сейчас-то о нем пишут, книги есть, всё. Его дочка недавно, совсем недавно умерла, очень хороший геолог. А внучка — художница, мы с ней перезваниваемся, дружим.

Ю.С.: Зильберминц тогда работал в ВИМСе?

П.Ф.: Он в ВИМСе работал, да. А потом стал заведовать кафедрой в нефтяном институте, созданном Губкиным.

Ю.С.: И отец поступил к нему в ВИМС?

П.Ф.: В ВИМС, и он его перетащил в губкинский институт уже преподавать. А потом Зильберминц ушел, потому что он все-таки по призванию, по-видимому, не был педагогом, он был исследователем. И его место занял Пустовалов, который в корне перестроил идеологию кафедры. Надо сказать, что тогда это было непонятно. Вообще осадочные породы... ими никто не интересовался. В основном вся петрография, петрография именно, строилась на магматических породах, минералогии.

Ю.С.: Ну, Швецова-то вы уж напрасно забыли.

П.Ф.: Так он позже.

Ю.С.: Швецов раньше.

П.Ф.: Как раньше?

Ю.С.: Когда он был аспирантом, в революцию или сразу после...

П.Ф.: Ах так...

Ю.С.: В комнате деканата мне Тихомиров говорил: «А вот это был кабинет аспиранта Швецова». А такие вещи когда могли быть? Так что Швецов в революцию и после революции начинал.

П.Ф.: Пораньше, да, но, тем не менее, он начинал изучать. Кажется, и у Заварицкого, нет, у Наливкина об осадочных породах есть брошюра.

Ю.С.: Да во всех учебниках было, и у Иностранцева есть, и у Мушкетова.

П.Ф.: Разделы-то были, но Пустовалов показал, что главная порода, по полезности, — осадочная. Больше девяноста процентов полезных ископаемых добывается из пород осадочных.

Ю.С.: Давайте ближе к вашему отцу.

П.Ф.: Началось создание петрографии осадочных пород. Отец занимался в основном терригенными породами, да нет, и хемогенными тоже занимался. Целые разделы, написанные отцом, есть в «Петрографии осадочных пород» Пустовалова, со ссылками, просто вставки из его работ. Диссертация у него по пермским терригенным породам: Ишимбай, нефть, Башкирия, Муром, Нижегородская область. Вот эти районы.

” А дальше очень интересно: кафедра стала двигаться вглубь по мере того, как углублялись скважины, вместе со скважинами — карбон, потом девон. Первый прогноз на то, что девон — нефтегазоносный, наша кафедра сделала. А вскоре Чепиков и Долицкий по своим скважинам получили девонскую нефть.

Ю.С.: А как вы росли в семье геологов-то? Кто мама была и вообще как?

П.Ф.: Подождите, я сейчас гораздо более интересную хочу вещь рассказать. Дело в том, что дед, находясь в концлагере в Соловках, очень много писал отцу о геологии. Просто настраивал его, и многие идеи деда, лагерные, разрабатывали отец, Кирилл Павлович и я. В частности, он очень много писал об осадочно-метаморфическом происхождении гнейсов: «Я тут спорю постоянно с геологом ленинградской школы, который абсолютно отрицает это». И он описывает то, что наблюдает. И я наблюдал эти гнейсы, те, которые дед смотрел. Я их фотографировал, в книжке о лагере деда именно эти валуны, сфотографированные мной.

Он писал об осадочном происхождении гранитов и гнейсов, всего этого, причем очень широко освещал... в общем, накручивал отца. И когда была первая Боевская скважина в Москве пробурена, в районе Таганки бойня, птичий рынок бывший, то керн фундамента попал к нам на кафедру. Отец занялся им и поставил изучение фундамента нефтегазоносных областей. Первые его отчеты и статьи наполовину состоят из того, что он доказывает, что это нужно и важно, что глубинное строение, «подстилка», нужна. До последнего на нем была эта печать оправдания роли фундамента, в последних даже статьях это есть.

У нас на кафедре заложено было изучение глубинного состава и структуры, конечно, и других нефтегазоносных областей. Мы продолжаем эти работы, у нас керн тысяч и тысяч скважин, докембрийский керн, и если не керн, то, по крайней мере, шлифы Русской платформы, Волго-Уральской

области.

” Так что изучение фундамента нефтегазоносных областей заложено дедом из концлагеря. Это не парадокс, это так. Ноу-хау нашей кафедры.

Потом отец перешел в значительной степени в изучение фундаментов. Тащили, конечно. В частности, когда разворот девонских отложений начался, то его аспирантка Нелли Александровна Михайлова, жена Владимира Сергеевича Князева, тоже сотрудника кафедры... поставлено все было, а потом ее вместе со всей темой переманил Саркисянц к себе.

Ю.С.: Куда?

П.Ф.: В ИГиРГИ, в свои аспирантки. И она, как это бывает у предателей, понимаете, всю жизнь таскала ведра в одну бездонную бочку. Она регулярно издавала книжки: Девонские отложения такой-то области, потом такой-то области, потом такой-то области, вот так. Но отец, после того, как она ушла и утащила, к девону не прикасался.

Ю.С.: Что значит утащила? Материалы взяла?

П.Ф.: Вся идея разработана была, все было сделано, она работала как аспирантка, аспирантка любимая. Отец всегда был влюблен в своих учеников. Ей все передавалось, вся идеология, ну что я вам объяснять буду. И ее просто со всем этим он перетащил к себе. Отец больше к девону не прикасался, он занялся фундаментом. К счастью, фундамент всеми отрицался все годы, и у него его не увели из-под носа, он так до конца жизни занимался фундаментом. По слухам он четыре докторских написал, и их закрывали.

Ученики В.П. Флоренского

У него, понимаете, как по «Все остается людям» было, один к одному: ученица и два ученика. Один ученик никаким жидоедом (как в фильме) не был, он просто был очень яркий человек, и его выжили из нашего института. Валя Браташ, Валентин Иванович Браташ. Он во ВНИГНюшнике работал и тяжело погиб. Он сделал докторскую, все сделал, все было готово. Муратов был готов быть оппонентом и за два дня до защиты отказался оппонировать. У дяди Вали скоротечная саркома после этого. Сгорел, сгорел просто, фьюить! Как спичка. Это один его ученик, пожалуй, единственный по-настоящему способный. Завиральщик жуткий, но по молодости это можно. Он у нас в семье вырос, дядя Валя был. Владимир Сергеевич тоже для меня был дядя Володя, который стал моим руководителем.

Ю.С.: Это второй?

П.Ф.: Владимир Сергеевич Князев. Отец меня завещал ему, и я всегда его слушался. И все, что я сделал, а я кое-что сделал в геологии, сделал помимо него или втайне от него. Все материалы, темы, все, что давалось, было пустое или, по крайней мере, загружалось пустой работой. Вместо того чтобы сделать десять шлифов, требовалось тысяча и так далее. И третья Татьяна Александровна Лапинская. Она умудрилась остаться главной наследницей фундамента.

Ю.С. Она была аспирантка?

П.Ф.: Аспирантка, потом защитила кандидатскую у Пустовалова. Кстати, тему кандидатской ей передал отец из того, что ему передал дед из концлагеря, — изучение формы зерен. Ну, сейчас любой дурак на компьютере раз-раз-раз, соотношение длины, ширины, периметра, параметры — все это делается мгновенно. А тогда надо было накладывать сетку на форму зерна, мерить. Я такую работу и другие работы воспроизвел на лунном грунте. В книжке «Лунный грунт из Моря Изобилия» моя статья вместе с моими студентами. Мы получили фотографии частиц лунного грунта, обмерили по дедовской, по сути дела,

методике зёрна и описали и, так сказать, немножко там поговорили об эволюции вещества на Луне, морфологической.

Так что ее кандидатская была под руководством Пустовалова, по сути дела отца, но развивала лагерные работы деда. Дальше она всю жизнь писала одну и ту же статью о фундаменте Русской платформы, трансформируя ее немножко, но ни идеи, ни материала, ничего не было. Просто время от времени менялись возрастные границы и их соотношения. Пустовалов с кафедры ушел. Ну, он был номинальным руководителем, потому что у него были свои в академии дела, а потом, когда совместительство было запрещено, его убрали, стала командовать Татьяна Александровна.

Кафедра жила в режиме «лишь бы только послезавтра было так же хорошо, как позавчера». Если кто-то высывался, получал по носу.

Детство в Загорске. Род Зарубиных

Ю.С.: Давайте вернемся, теперь вполне это позволительно, назад к вашему детству. Может быть, к папе на работу ходили в институт и как-то геологией прониклись...

П.Ф.: Мое детство? Хорошо. Дом был набит камнями...

Ю.С.: А где был дом?

П.Ф.: Детство мое прошло в Загорске, в Сергиевом Посаде.

Ю.С.: Детство — это до скольких лет?

П.Ф.: С 36-го по 43-й годы я жил там целиком круглый год. А потом, вернувшись из эвакуации в 43-м, мы лето жили там.

Ю.С.: Давайте последовательно. Родились где?

П.Ф.: Я родился в Наро-Фоминске, потому что незадолго до родов мама из московской комнаты (комната была у отца с дядей Кирой на двоих) сбежала к своей матери рожать, что вполне естественно, в Наро-Фоминск. В Наро-Фоминске (сейчас я расскажу о маме) ее мама была учительницей, а отец агрономом. Время от времени, особенно в 30-е годы, как только начинались посадки, дед бросал все и менял место работы. И не попал, причем ему секретарь обкома сказал: «Иваныч, срочно уезжайте из нашего района». Секретаря райкома замели, и всех остальных, а он как-то вынырнул и спасся.

Мама по отцу была Зарубина, это очень старый дворянский род морских офицеров. Бухта Зарубина — это брат моего прапрадеда.

Ю.С.: Эта бухта где?

П.Ф.: Дальний Восток. Город Зарубин, туда китайцы хотят проложить дорогу, сокращая свой путь. Он на «Палладе» ходил вместе с Гончаровым. У Гончарова есть лейтенант Z или Z, в разных изданиях по-разному. Так это вот мой прапрадед, брат моего прапрадеда.

Ю.С.: Понятно.

П.Ф.: Дальше. Мой прадед, значит, племянник этого моряка, Иван Иванович Зарубин, женился (у них и до этого была немецкая кровь) на астраханской немке фон Бремзен. Так что мама была на четверть немка. Тут недавно на дворянском собрании делался доклад: немецкие роды в России. В частности о Бремзенах делался доклад. Я подскочил, так и так, и мы мгновенно оказались родственниками с докладчицей. Оказывается, у немцев, если у вас похожие фамилии, вы родственники. Там нет фамилий без рода. Ну, может быть, новые, новоделы, но это совсем недавно. О Бремзенах докопано до XVI века,

у меня родословная таблица есть. Вот, мама по матери из этого рода.

Ю.С.: Она кончила гимназию?

П.Ф.: Нет, она родилась в 9-м году, так что она кончила советскую школу. Но потом ничего не кончила, считалось, что она училась пению, пела, но в консерваторию не поступила. А потом вышла замуж за папу. Так что у нее высшего образования нет.

Ю.С.: Родились в Наро-Фоминске, потом жили в Загорске?

П.Ф.: Потом в Москву, и тут же отец перевез в Загорск, и мы там жили.

Ю.С.: Сколько вас там было и кто вокруг вас?

П.Ф.: Дело в том, что деда арестовали в 33-м году, в феврале, семья осталась без средств. Тут семейные традиции, понимаете ли. Прапрадед оставил на своего старшего сына дочь, и старший сын содержал свою сестру всегда. Это была любимая тетушка Павла Александровича, тетя Юля, Юлия Ивановна. Прадед, когда болел и умирал... В письмах даже есть: «Ты обязан взять на себя семью». Дед вытянул семью, по сути дела. Было семеро детей и мать, дед был старший. Дед уже был преподавателем МДА, когда кончила учебу в Швейцарии Юлия Александровна, а остальные подрастали, он их перетягивал в Москву. В общем-то, кроме одной, Елизаветы Александровны, тети Лили, все переехали в Москву, в том числе и Ольга Павловна переехала в Москву. Так что дед выкармливал, вытягивал, содержал. Точно так же отец. Отец дал обет: половину зарплаты отдавать бабушке и по сути дела он содержал семью. Ну, в основном все деньги уходили на тетю Олю.

Ю.С.: Вы там жили, сколько вас было?

П.Ф.: Подождите. Так что отец кормил всех, поэтому, хотели того или не хотели, он был любим и уважаем. В Загорске жила бабушка в этом доме, сначала жили и все остальные дети: Кирилл, Ольга, Михаил, Мария и мы. Когда отец въехал сначала со мной, потом с другими, было четверо нас, то нам была отдана лучшая комната.

” Мы были короли, я вообще не помню, чтоб что-нибудь мне запрещалось. Мы были, наверное, тиранами всего дома, если бы не доброта бабушки, которая создала обстановку абсолютной доброты.

Потом Кирилл Павлович женился, но его жена, Зинаида Самойловна, была весьма не угодна семье, и он построил себе домик в Щербинке и там жил. Он отделился. Естественно, содержать семью он не мог, сам еле держался. Он не успел кончить институт, началась война. О нем вообще стоит много говорить, если будет настроение.

Ольга Павловна, считалось, что она где-то учится, считалось, что она где-то работает, в общем, жила она там на содержании отца. Мария совсем маленькая... а Михаил в 40-м году пошел в армию сам. Друг его не поступил в институт, и он вместе с другом ушел в армию служить. Прошел войну, у Львова он каким-то образом избежал окружения, в 43-м году его контузило, и он вернулся. В этом доме мы были хозяевами абсолютными.

Ю.С.: Народу было очень много в доме?

П.Ф.: Дом тоже большой достаточно. Вот сейчас идет разговор в редакции: фотография Загорска с колокольни. Это было чудо, когда я увидел эту фотографию на толкучем рынке открыточном. Не фотография — открытка. (*Шепотом*) вижу наш дом. Я тут же спрятал глаза (*смеются*). Если бы торговец увидел мои глаза, он бы с меня штаны и рубашку снял.

Да, конечно, мы были там короли. Мама каждый год-полтора рождала нового ребенка, она родила пятеро

детей, девочка одна погибла. Последнюю, Машу, она родила в 42-м году. Дело в том, что когда начался всеобщий драп из Москвы, то наш институт, губкинские студенты вместе с секретарем парторганизации и несколькими преподавателями выходили пешком, шли до Владимира пешком.

Ю.С.: Ведь эти годы, предвоенные, в Загорске были, судя по дневникам Пришвина, довольно голодные. Или как?

П.Ф.: Понимаете, я маленький был, маленькому все отдается. Неужели вы думаете, я голодал? Во время войны тоже я не голодал. Но я помню лепешки, которые мама жарила на стеариновой свечке. Это было больше интересно, чем вкусно (*смеются*). С одного конца она горит, с другого — сковородка. Нас-то это не касалось. Для меня, как и для всякого ребенка, райские годы были. Мы были окружены, конечно, любовью, и главное — любовью нашей бабушки. Потом, когда появились у тети Оли дети, она заблокировала бабушку, и бабушка только тихонько, по секрету от нее, нас любила и ласкала, так как это было запрещено. Трубочевы были обязательным предметом любви.

Ю.С.: А когда война началась?

П.Ф.: Я помню это, эту сцену: тетя Оля приезжает из Москвы, мы за столом все, не едим, но за общим столом. И она говорит: «Мама, оказывается, началась война». «Ах! Господи!» — сказала бабушка. Это я помню.

Ю.С.: И куда вы?

П.Ф.: А мы никуда, мама на энном месяце была, она родила Машу в марте 42-го. Когда к Загорску должны были подойти гитлеровцы, их чудом остановили. На Клинско-Дмитровской гряде они поехали по льду, еще партизаны полили дорогу, техника поехала, и внизу куча мала получилась. Тут еще добавили стрельбой и остановили тот рейд на Загорск. А когда начался исход из Москвы, отец взял рюкзачок, еще что-то и пошел пешком за студентами, оставив троих детей и маму на пятом месяце в Сергиевом Посаде. Я помню, планировали, с кем бежать, куда убежать, как уходить от немцев, но не убежали, не двинулись никуда. Опять же эти рассказы о лепешках на стеариновой свечке кажутся гораздо более (*смеется*) интересными, чем голодными. Деликатесом была жареная мука или кисель просто из муки делался.

Ю.С.: Вы прожили в Загорске до 43-го?

П.Ф.: Да, и уехали в эвакуацию к отцу.

Ю.С.: В Уфу?

П.Ф.: Да, в Уфу. Там пробыли больше года, а потом вернулись. Нас институт поместил. Об институте могу очень много хорошего говорить, хотя сам я злослов. Мы первое время жили прямо в институте, занятия идут, а тут мы бегаем, балуемся, полгода жили. Я первый класс учился, живя в институте.

Учеба в школе, увлечение геологией и биологией

Ю.С.: В школу пошли уже в Москве?

П.Ф.: Я поступил в школу в 44-м году. Учились уже в Москве, брат в 45-м. На салют победы отец меня и брата взял на Красную площадь. Я был на Красной площади 9-го мая 45-го года. Сейчас в моих глазах это событие все больше и больше растет, что вот я был... Таких мало, как участников войны, понимаете (*смеется*). Ветеран Куликовской битвы. Потом подались в Загорск. Загорск был набит камнями, там же стояли ящики с коллекциями дяди Шуры. Это брат Павла Александровича, геолог, который в Магадане сгинул.

Ю.С.: Вы же были малявочкой, какие камни?

П.Ф.: Неправда, неправда. Дети — очень умные существа, в отличие от людей моего возраста. Потом, когда мы приходили к Татьяне Владимировне Корсаковой — это наш кафедральный лаборант по минералогии, она восхищалась тем, что мы, дошкольники, мгновенно определяли минералы. Корсакова Татьяна Владимировна. О ней стоит сказать. Ее шаферами были два великих русских летчика: Уточкин и Нестеров.

Ю.С.: О!

П.Ф.: Она была адекватна своему происхождению. Корсаковы — это те же, которые Римские-Корсаковы. Она просто Корсакова была, но из этого корня.

Ю.С.: Психиатр был такой знаменитый — Корсаков. В общем, пошли вы в школу.

П.Ф.: Пошли в школу, да. Но я повторяю: в Загорске все было набито камнями, камни я собирал с детства. В сарае стояла детская наша коляска, и я таскал туда валуны, таскал и сбрасывал, она была забита минералами, камнями. С самого начала нас с братом отец приучал к камням, меня приучил, а брат спокойнее был, не такой темпераментный что ли. А я с детства говорил: «Буду геологом». Уже в десять лет отец меня взял на Военно-Грузинскую дорогу на практику, и я Военно-Грузинскую дорогу прошел сначала с ним, потом сам водил практику. Я там каждый камень знал: «Ребята, пойдите, вот там, за поворотом, вот туда полезьте, там ПФ выбито».

Ю.С.: А в школе как сложилось?

П.Ф.: Школу я не любил. Я вообще плохой был человек, меня в школе соученики не любили, я был чужой всегда. Учителя тоже недолго любили.

” У меня дурной характер, неконтактный. Дело в том, что нас воспитывали очень изолированно, мы росли герметично, поэтому, когда мы попали в школу, в общественное движение мы не вписывались. Это беда нашей семейки, и, кстати, и родителей моих тоже. Очень герметичная семья, огораживающая детей от внешних влияний.

Я ездил с отцом каждый год, Военно-Грузинская дорога, с третьего класса. Каждый год Военно-Грузинская дорога, пройденная пешком, коллекции минералов постоянно. Но в седьмом классе судьба коренным образом повернулась, я пошел в зоопарк, в Кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ). Это великая организация, элитарная, избранная, там человек двадцать или тридцать в одно время, но мы вечные. Принципиальное отличие нас от лицеистов Пушкина: лицеисты Пушкина — кто был, те и собирались 19-го октября, только тот выпуск. А мы все постоянно, наш КЮБЗ. Яблоков, я в принципе с ним на ты, Воронцов, который был министром, — это все наши люди. То есть ведущие биологи и экологи страны — это старые друзья моего детства. Мы регулярно 1-го мая ездим в Омутини, там закопан громадный брезентовый тент, делается костер. Сейчас, на это 1-е мая человек пятьдесят там было. Уже деды с внуками, внуки, собаки, тут костер, жарим, еда... Так мы и держимся вместе, в общем-то.

Ю.С.: То есть в школе основные интересы были за пределами школы?

П.Ф.: Начиная с седьмого класса — да. Я близнец, понимаете, у меня как-то всегда, по меньшей мере, двойственность, как в самом простом виде говорится «двоеженец». У меня всегда несколько научных романов идет, причем я в принципе никогда не борюсь за тему. Когда она начинает от меня уходить или что-то, я ее бросаю. Поэтому так много не конченных работ в моей комнате лежат. Это все папки с заготовками статей. Каждая маленькая статья, для нее ведь папка должна быть. Вот большинство недоделанные, нет, у меня очень много статей, но еще больше заготовок.

Ю.С.: А в каком году кончили?

П.Ф.: В 54-м.

Ю.С.: И как выбирали институт?

П.Ф.: Да никак не выбирал. Я вырос в губкинском институте. Это мой дом был.

Ю.С.: А биологический кружок?

П.Ф.: Нет-нет, я все равно всегда был геологом. А биология у нас всегда в семье была, я с детства собирал коллекции бабочек, под руководством отца мы выводили бабочек из гусениц для коллекции.

Дома у меня был зооуголок, в школе мои тетради определяли как «Пашкины тетради», потому что они были помечены птицами, у нас по комнате птицы летали. Это школьные годы.

Ю.С.: С геологией это не спорило, не было сомнения, куда идти?

П.Ф.: Нет, никогда.

Ю.С.: А экзамены сдали более ли менее? В губкинский.

П.Ф.: Благополучно сдал. Одна четверка была, а там шесть экзаменов было.

Ю.С.: Вроде шалопай, шалопай, а учились-то значит хорошо.

П.Ф.: А я не был шалопаем, я был один из лучших учеников в классе. Я не был, так сказать, активным шалопаем, драчуном, лидером. Я скорее тихим был.

Об учебе в Нефтяном институте и об экспедиции по северным районам Китая

Ю.С.: А как институтские годы прошли?

П.Ф.: Это замечательные годы. Но когда умер отец, а он умер, когда был второй курс, и на меня так же семья обрушилась, как на отца его. Мать никогда не работала. Я, начиная со второго курса, работал и учился, на третьем-четвертом я на двух-трех работах умудрялся работать, смотрели на это сквозь пальцы. Все-то были младшие, я выкормил всю отцовскую семью. Так же, как отец выкормил всю семью своего отца.

Ю.С.: А где приходилось работать?

П.Ф.: Шлифы описывал. Броду, Конюхову — Кавказ, Средняя Азия. Потом в отчетах я встречал свои описания, был очень доволен. Порошки тер, это знаете, когда массовые анализы были, надо было истереть сто образцов до пуда.

Ю.С.: А что-то запомнилось из института, что интересовало, грубо говоря?

П.Ф.: В институте мы подхватили эстафету отца-петрографа... Если отец начал только организовывать, организовал поездки в Ленинград, то мы первые устроили поездку в Хибиньы. Подхватили и эту традицию — сниматься и с преподавателем ехать бог знает куда. В институте я был очень активен. Я не лидер в принципе, я серый кардинал, второй человек. Все запомнилось.

Когда умер отец, он умер в апреле 56-го года, помню, мы с Юркой Малиновским сидели, собирали список того, что нужно купить, собираясь на лето в экспедицию: чемодан, ботинки, сапоги, майки, прочее. И вдруг он мне приносит чемодан этих вещей. То есть группа собрала деньги после смерти отца, а это было небогатое время, и вручила мне эти вещи. Это не столько отношение ко мне, сколько атмосфера.

Ю.С.: Хорошая группа была?

П.Ф.: Очень. Наш курс вообще был выдающимся. Очень хорошим, очень многие до сих пор преподают и работают в институте, благо живы. Наш курс и следующий были выдающимися.

Ю.С.: И какие-то отношения остались у вас? Встречались?

П.Ф.: Конечно. Ближайшие мои друзья — Юра Малиновский, Юра Петров, бывшая жена Юры Малиновского Люся Антоненко, Олег Супруненко...

Ю.С.: Это ваша группа?

П.Ф.: Нет, не группа, поток. Мы регулярно собирались. Сейчас уже некому и трудно. Но поддерживаем отношения.

Ю.С.: А какие-нибудь преподаватели оставили по себе впечатление?

П.Ф.: Вы знаете, как ни парадоксально, одна из любимых кафедр была военная. Хорошие мужики там были.

Ю.С.: Да?

П.Ф.: Понимаете, эти мужики, у них на груди гремит металл, и в потрохах столько же. У нас очень много было ветеранов войны. Да, солдафонистые, но (*смеясь*) как они нас любили, как были снисходительны к нам, баранам. Был Пицхелаури, участник первого автопробега Москва-Петербург, мы же ГСМ были, так что автомобили проходили. Очень достойные военные были. А потом, без девиц так хорошо учиться.

Ю.С.: Разве девчонок не было?

П.Ф.: На военной кафедре не было? Один день одни мужики! Это было очень хорошо.

Ю.С.: Понятно. А тема диплома?

П.Ф.: Тема диплома? Это уже отец умер, и мне помогал Пустовалов. Я оказался неблагодарен, когда он предложил мне переходить к нему в академию, я отказался, сказал, что не могу уйти от студентов.

Ю.С.: До этого дойдем... А как выбирали тему диплома?

П.Ф.: Сейчас, подождите, не выбирал. Дело в том, что тогда работала амурская экспедиция, хэйлудцзянская по-китайски, СОПСА — Совета по изучению производительных сил. Я туда устроен был им, он меня отправил коллектором на китайскую сторону. Там был нормальный геологический отряд, и там были моего ранга коллектора, так что я не был особенным. Вот там я работал, причем я неплохой был уже тогда геолог. Одним словом, мне доверили... Я два лета один работал с китайцами. Я один и двадцать китайцев. Нас мало было, советских специалистов, а территории гигантские были. Я был сяо-ця-дзя, ця-дзя — это специалист, а сяо — маленький, младший. Я был один, самостоятельно вел съемку, я был первым геологом, кто картировал самый северный район Китая, тот, который по Амуру внедряется к нам. Я работал на абсолютно белом пятне геологическом.

Ю.С.: То есть вели съемку настоящую?

П.Ф.: Она не была кондиционна. У меня диплом по шести сотысячным листам, эту карту нужно было заполнить, там просто прошел вот так и все. За один сезон.

Ю.С.: В общем, геологическое строение района?

П.Ф.: Да-да-да. Золотое месторождение нашел одно там. Я был один, у меня был переводчик, охранник личный, ну, на весь отряд были повара, радисты. Гигантская, понимаете, группа в двадцать человек на лошадях, верхом, вьюками.

Ю.С.: Вы были один геолог, или китайцы тоже были геологи?

П.Ф.: Да, и китаец геолог был со мной. Два геолога было. Я три сезона там работал, второй сезон лег в основу моего дипломного проекта, по нему я написал статейку маленькую об эпигенетических изменениях. Тогда покойный Абрам Вольфович Копелиович втянул нас всех в эпигенез. Как всегда, начал его Пустовалов, и мы все были увлечены эпигенезом, вторичными изменениями. И у меня статья о двояковыпуклом эпигенезе юрских отложений Приамурья, что это и не платформенное отложение, и не геосинклинальное. Эта доведенная да абсурда Шацким и компанией идея деления всего на платформенное и геосинклинальное была очень сильна и казалась истиной. Сейчас это, как дурная болезнь, забыто, все эти структурные тектонические карты.

Ю.С.: Ну уж?

П.Ф.: Конечно (*усмехается*).

Ю.С.: К этому вернемся. Меня очень, конечно, интересует фигура Пустовалова.

О Л.В. Пустовалове

П.Ф.: Пустовалов. Когда при отце сказали об одном очень хорошем геологе, что он талантливый человек, отец зашипел и сказал: «Вы знаете, он способный, но талантливого геолога я знал только одного — Пустовалова». Он знал, конечно, много и других, но — Пустовалов. Пустовалов был, несомненно, ярчайшим.

Ю.С.: Вы же, наверное, с ним еще мальчиком познакомились?

П.Ф.: Да, да. Ну, он нас не замечал, он был очень такой — герметичный.

Ю.С.: А потом в институте?

П.Ф.: С Пустоваловым меня связывает большее. Опять же тесен мир. Один из дядьев моей мамы, значит мой дедушка, Григорий Иванович Зарубин, преподавал в Ельце химию всю жизнь, учителем был. Но кабинет химический он принимал от Пустовалова еще в те, 20-е годы. Пустовалов заведовал кабинетом и вел химию в елецкой школе. Вот так тесен мир. Пустовалов был, в соответствии с теми временами, скандалист, спорщик, диалектик. Был такой замечательный Смирнов, Николай Николаевич, он был оппонентом у отца на защите, в менделеевском институте преподавал геологические дисциплины. Он говорил: «Этот проклятый ГПУшник». Пустовалов, в университете когда учился, устраивал чистки. Тяжелый был человек. Но то, как он развернул осадочные породы, поставил их на то место, которое они теперь занимают, это, несомненно, его заслуга. Несомненно. Дифференциацию как термин, как направление, он создал. Страхов с ним вот так на эту тему... Позже умудрились Страхову приписать то, что он отрицал, а потом согласился. Отец говорил, что как интересно: Пустовалов пишет статью, Страхов устраивает дискуссию против нее, а потом пишет большой том на эту тему. Но все-то уже сделано, он только ее повторяет. Действительно, очень яркий человек и зачинатель многих... И, понимаете, как многие начинатели, они исчерпывают предмет.

Вы знаете учение о биосфере. Вернадский его открыл и закрыл, делать-то больше нечего. Биосфера из области науки перешла в область аксиомы и работы. Все сделано. Таблица умножения сделана, и все. Закон Архимеда сделан? Сделан, и все по нему плавают. Вот так же и Пустовалов создал учение об осадочных породах, в громадной степени закрыв его своим учебником «Петрография осадочных пород». Дальше он добирал, он эпигенез добрал, диагенез в меньшей степени. Диагенез разработан уже в осадочных породах. Он был великолепный организатор, но, повторяю, человек тяжелый.

Литологическая дискуссия

Знаменитая дискуссия «пустострахи». Это словечко пустил Швецов. Дискуссия об осадочных породах. Дискуссия была в значительной степени на полупустом месте, но она должна была быть страшной. Она сразу была начата и Пустоваловым, и Страховым, оба хороши, сразу после убийственной дискуссии в биологии.

Тогда везде, в математике была дискуссия, в физике была дискуссия — везде. И готовился вообще гигантский погром этих неученых, неомарксистов по пересмотру не только биологии, которая произошла страшно. Тут еще подоспела борьба с космополитами, и их сочетали, потому что ярлык был и туда, и туда можно вешать. Эйнштейн вообще в некоторых выступлениях назывался профессором Однокамушкиным.

Ю.С.: Это 49-й год или 52-й? Я забыл. Литологическая дискуссия.

П.Ф.: Нагревалась она в 49-м.

Ю.С.: «Пустострахи» — это какой год?

П.Ф.: А это позже. В чем и гениальность всей ситуации. Это мне Игорь Варенцов объяснил, Игорь Михайлович Варенцов, сын членкора Михаила Ивановича Варенцова, сам великолепнейший геохимик, по конкрециям глубоководным в том числе. Не сбивайте меня. Одним словом, вслед за дискуссией лысенковской и лысенкованием вообще наша наука могла взорваться. Вот математики голубые пытались устроить вокруг Лузина дискуссию, Сталин ее запретил, это где-то 40-й год. А физика осталась. Потом у физиков рыльце в пушку, понимаете, энергия переходит в вещество — идеализм. И охота за ними была довольно сильная.

Кстати, дед был одним из первых, кто написал работу по развитию теории относительности, 22-й год, в России, за что ему ох как попало. Я собрал библиографию ругани деда. Все читали, все наизусть знали «Краткий курс», а он весь сводится к тому, что кто-то кого-то бил, кто-то побеждал, а потом сажал. Великая книжка по своему драматизму, потрясающая книга. У вас есть?

Ю.С.: Сейчас нет, оставил в музее. Была.

П.Ф.: Надо иметь. Но тут произошло то, что Розенберги украли секрет атомной бомбы, перекачали сюда. А атомная бомба, собственно, началась с чего у нас? Она началась с того, что Георгий Вернадский... Я хочу издали подойти, это очень важно для Пустовалова. Георгий Вернадский, сын Вернадского, написал отцу: «Что-то тут происходит не то вокруг атомной физики. Полностью перекрыты все публикации, что-то американцы выдумывают». Вернадский, как Кювье: «Я по одному зубу могу восстановить целое животное». Вернадскому тоже было достаточно письмеца сыночка, он тоже все понял. Он еще в 12-м году говорил о том, что кто овладеет секретами атомной энергии, будет командовать миром.

Он тут же просчитал, и они втроем — Вернадский, Иоффе и президент академии наук Комаров — были приняты товарищем Сталиным. И сказали, что что-то творится. Иосиф Виссарионович это понял и по своим каналам дал задание собрать сведения. И вот эти великие Розенберги, вечная им память, передали нам все секреты атомной бомбы. Это было поручено Курчатову и Лаврентию Павловичу Берия, которого атомщики очень чтут. Организатор он был, конечно, гениальный, не только концлагерей.

Кстати, концлагеря он не организовывал, он продолжал начатую уже традицию.

В Сарове делали точную копию американской атомной бомбы, и когда наши начинали умничать, говорить: «Давайте вот так, сделаем вид не справа». «Нет», — говорил Курчатов и выдавал гениально все американские секреты. Мне атомщики рассказывали.

” Так вот в 49-м году, в разгар борьбы с космополитами и дискуссий, наши рванули атомную бомбу. Надо сказать, что там очень много космополитов было, поэтому они взрывом атомной бомбы в значительной степени прекратили эту травлю. Атомная бомба показала, что ученые не только лаются, как Лысенко вокруг кукурузы, но и полезны для обороны.

Значит, бомба рванула в 49-м году. По инерции, конечно, у всех руки чешутся, Пустовалова просят... Но тут геологи, мудрые старики, сказали: «Ребята, не надо, не надо с бухты-барахты. Вы должны всё обсудить, всё решить. Давайте, прежде чем устраивать настоящую дискуссию, соберем статьи, изложим все свои точки зрения, издадим их в журналах и издадим вот такие книги, и уже по изданному будем дискутировать». Им надо было оттянуть время, и все было перенесено на 52-й год, когда уже, вообще говоря, кончать дискуссии резней было нельзя. Белянкин был одним из лидеров этого деяния. Разумеется, Страхов и Пустовалов хотели крови. И должен сказать, что крови хотели очень многие.

Ю.С.: Да ну?

П.Ф.: Бывший тогда секретарем парткома Михаил Иванович Варенцов был одним из тех, кто заглушил дискуссию. Издание книги, и потом, после уже конференции по осадочным породам, резня не прошла. Когда его на следующий срок выбирали секретарем парткома, ГИН его зарубил. Не надо идеализировать всех этих Шацких, Страховых и прочее, такие же советские простые люди, как и все остальные. Я у Игоря спрашивал, он говорит: «Павел, ну, у тебя и язык, откуда ты это все знаешь?» А я просто высчитал. А может быть, отец где-то при мне проговорился, я не знаю. Но было страшно, и все были готовы. Я помню, как отец ходил из угла в угол и говорил свои доклады, свои реплики проговаривал. Мы жили-то в одной комнате все шестеро: четверо детей и мама, папа. Это было страшно.

Пустовалова кинули его друзья, те, кто были в ГИНе. Косовская, Муравьев, Холодов перебежали к Страхову. С Пустоваловым осталось только несколько не самых главных сотрудников из ЛОПИ и наша кафедра. На кафедре никто не предал. Отец, Лапинская, Князев — трое были с ним. Почти никого не осталось после того, как его кинули. Но все рассосалось. «Пустострахи» привели к новому витку осадочных пород: был создан журнал «Литология», проходили конференции всякие, двухтомник по конференции. В общем, привели к самым лучшим результатам «пустострахи», и никто не лишился работы. Но страха натерпелись.

Ю.С.: У меня сложилось впечатление, что, в общем, Пустовалов эту дискуссию проиграл. Его теория механической дифференциации...

П.Ф.: У него химическая дифференциация, механическая — это детский сад. Там химическая дифференциация была. В принципе — как идея. Какая механическая? Глина, песчаник — детский сад. Если говорить о победе в военном смысле слова, то они оба проиграли, потому что выигрыш был бы, если бы у противника головы полетели.

Ю.С.: Нет-нет, речь идет о научной стороне, потому что решение совещания, которое было подготовлено, я просто недавно перечитывал...

П.Ф.: А я давно.

Ю.С.: В общем, там Пустовалова задвинули, но задвинули как-то так объективно, хотя Лапинская тогда была секретарь оргкомитета, по-моему.

П.Ф.: Вы, простите, перечитывали подлинник или уже историю?

Ю.С.: Я перечитывал историю, а решение...

П.Ф.: Так историю-то писал Холодов, страховец, он Страхову заслуги Пустовалова на столетие Страхова переписывал. Смех был один.

Ю.С.: Ну ладно, оставим. Все-таки Пустовалов был страшно яркий человек, это точно. А вот как заведующий кафедрой... Как о заведующем кафедрой вы что-нибудь о нем можете сказать?

П.Ф.: Он был небожитель на кафедре, кафедру вел отец. Кафедра была целиком на отце, а он только спускался с неба, читал лекции. Лекции он читал прекрасно. Совершенно аномально, но мы ненавидели его. Минералогию читал — он читал полсеместра кварц. На примере кварца он все рассказывал: и историю геологии, и всякие методы, чего он только не рассказывал! Потом где-то в начале ноября приходил Данчев и дочитывал нам минералогию.

Ю.С.: А экзамены не приходилось ему сдавать?

П.Ф.: Не помню, по-моему, нет. Наверное, запомнил бы это.

Ю.С.: А отношение у студентов к нему какое было, если его фактически не бывало на кафедре, как вы говорите?

П.Ф.: Какое студентам дело? Прочитал лекции и... Вокруг него крутилась Татьяна Владимировна, которая создавала... Он маленький ведь, почти карлик был. Он шел, опираясь на указку, которая была больше его. Он, наверное, вот такой мне был. Впереди шла Татьяна Владимировна, а она умела идти, все так расступались, и они проходили к лекции. Лекция сопровождалась всегда, лежали громадные образцы роскошнейшей красоты. Плакаты, я не помню, по-моему, он не любил плакаты. Он говорил, немножко рисовал. Ах, нет, он рисовал прекрасно. Рисовал. Я как-то спросил у Князева: «Владимир Сергеевич, вы все рисуете на доске. Зачем? Проще же плакаты». «Павел, — говорит. — Я ж занимаюсь не рассказом, а обучением. Если я вывешу плакат, студенты посмотрят и забудут, а когда я вырисовываю все эти штучки, они срисовывают и запоминают». Поэтому я до сих пор очень не люблю презентаций. Сейчас Постников и молодые ребята очень любят презентации, включают картинки на экраны, а я рисую.

О работе в Нефтяном институте

Ю.С.: Интересная деталь. Хорошо, сделали вы диплом, очень такой необычный, советско-китайский. И что потом?

П.Ф.: А потом меня оставили на кафедре.

Ю.С.: Вы хорошо учились?

П.Ф.: Я вторым кончил. Первым был Олег Супруненко, который сейчас один из главных морских геологов в Ленинграде, в Петербурге, второй был я. У меня по политэкономии была четверка. Потом мы стали друзьями с Василием Васильевичем, сейчас его уже нет, наверное. Не вижу его.

Ю.С.: Василий Васильевич, это кто?

П.Ф.: Слесарев, политэконом. У него на руке был вытатуирован якорь. Мы подсмеивались всегда над ним. Хороший был преподаватель, очень хороший.

Ю.С.: Оставили на кафедре, не в аспирантуре?

П.Ф.: Нет, нет, просто работать.

Ю.С.: Просто работать? То есть фактически вы начали уже со студентами вести занятия?

П.Ф.: Нет. Меня только в тридцать лет допустили. Держали в очень черном теле.

Ю.С.: А чем вы занимались? На кафедре работать и не иметь дела со студентами?

П.Ф.: Нет, научно-исследовательской частью на кафедре. Громадный был штат научно-исследовательский на кафедре в институте.

Ю.С.: И чем вы начали заниматься?

П.Ф.: Мне поручили пермо-триасовые отложения Туранской плиты. Тема ничтожная, потому что их очень мало и они очень однородны. Красноцветы и все тут. Я на четверку, считаю, диссертацию сделал. Эта мания Князева заменять идеологии, я ему очень верил. Делать не десять шлифов, а сто, не сто, а тысячу. У меня коробки этих красноцветов, совершенно одинаковых, совершенно бессмысленных. Я все их описывал, я всё выполнял. Потом была работа по плотностям. Тогда только-только начали плотности изучать, тоже тысячи замеров плотностей я сделал. Я возил в поле денситометр, сидел там в трусиках в палатке и мерил. Еще только-только начала внедряться математика в геологию, я на счетах и на арифмометре считал среднее, среднее квадратичное. Это все было экзотикой. Это сейчас засовывают в компьютер, и мне студенты через минуту дают результат (*смеется*).

Ю.С.: И долго вы занимались этими красноцветами вашими?

П.Ф.: Кандидатская работа была, потом...

Ю.С.: А кандидатскую вы защитили когда?

П.Ф.: В тридцать лет, меня долго не выпускали.

Ю.С.: То есть в 66-м?

П.Ф.: Да, да. А может, в 65-м. Перед женитьбой непосредственно.

Ю.С.: И со студентами начали уже после кандидатской?

П.Ф.: Всерьез став преподавателем, я все-таки взматерел тогда. Но это было моей второй жизнью, понимаете. В институте я всегда был окружен студентами, моя комната была набита студентами, они там раздевались... Как потом мне сказали: «Павел Васильевич, вы обладаете удивительной способностью. При вашей пронизательности и ехидности, есть вещи, которые вы никогда не замечаете. У вас за спиной можно было трахаться, и вы не замечали». — «Идите вы! Что, правда?» — «Правда, Павел Васильевич, я делал». Правда, не замечал, не по тактичности.

Ю.С.: Ну да (*смеется*)!

П.Ф.: Я тактом никогда не отличался. Чудом это все прошло. Это какие аферы были, как мы не замерзли в снегу, не попали в аварии. Ну, тогда люди были совершенно другие, вы знаете, атмосфера в стране была удивительно доброжелательная. Группа студентов проходила кинжально, где угодно, мы могли где угодно ночевать, нас останавливали, давали нам в рудоуправлениях прямо в кабинетах начальства ночевать. Было очень хорошее отношение к людям как раз тогда.

Ю.С.: Вот чуть-чуть, на шаг назад, когда вы стали уже читать лекции. Немножко об этом периоде. Какие курсы читали? Что за студенты были, какие отношения были, вообще говоря?

П.Ф.: Ну, на кафедре я всегда был парией. Это была система кафедры просто.

Ю.С.: Почему?

П.Ф.: Татьяна Александровна была единая и неделимая, под ней были Князев и Прошляков, которые ее силами люто ненавидели друг друга и боялись. Дальше мое поколение — Журавлев, я, Кузнецов, Шнип — помладше, но его не допустили до преподавания. А Журавлев, фаворит Татьяны Александровны. Нас стравливали постоянно, постоянная вражда была и подсидка. Кроме того, она питала: каждое

заседание кафедры устраивался разгром. Ну, это традиции многих. Особенно отличался Бакиров, каждое заседание было посвящено какому-то разгрому какого-нибудь преподавателя. Это была такая «здоровая» советская традиция. Татьяна Александровна несла ее на высшем уровне. Плюс бездарность. И кафедра за время ее царствования ничего не сделала. Со скрипом были защищены диссертации Князева, Прошлякова и ее. Ее диссертация была по крошкам со стола Флоренского Василия Павловича. Диссертация Князева была очень серая: фундамент Туранской плиты, то есть опять повторение отца и деда, ну, там раздел был мой.

Кружок «Петрограф»

Ю.С.: А как вы жили в этой атмосфере? Чем вы себя, как говорится, занимали?

П.Ф.: «Петрограф», студенты. Меня любили, я их любил.

Ю.С.: Это был кружок, не преподавание?

П.Ф.: Вы спрашивали, чем я занимался. Я говорю: «Петрограф». Преподавание было, вел занятия, практические вел в громадном объеме, потому что начальство не хотело вести. А я никогда не отказывался, я любил и люблю вести занятия. Сейчас, правда, много не могу по аудитории ходить, мне трудно, я сидя веду.

Ю.С.: Кружок ведь возник до вас?

П.Ф.: Да, возник до меня, да-да. Мы были последними кружковцами отца, в частности, одна из последних кружковцев была Федан Тауфиковна Биккенина, она же Яншина. Она была последняя дипломница отца. Несостоявшаяся как дипломник, не успела, по-моему, поработать с ним.

Ю.С.: То есть когда вы были в институте, в кружок входили?

П.Ф.: Да-да, но уже без отца. Во главе нас был, конечно, Володя Работнов. Или Работнов, как говорил его отец, поправляя всегда. Он погиб просто по-дурацки, трамвай его сбил, он головой ударился и погиб. Специалист по докембрию и вообще по Сибири. Экстра-класса был геолог.

Ю.С.: Кружок и студенты, чуть-чуть расскажите об этом.

П.Ф.: Да читайте книгу, я не знаю. Не знаю, чего вы от меня хотите.

Ю.С.: Я хочу, чтобы это было вслух, чтобы это можно было услышать.

П.Ф.: Дело в том, что есть такой способ общения людей — собираться в компании по интересам. Можно по выпивке, можно по домино, здесь — по интересам рабочим. И всегда немножко сбоку, но наверху, находится мудрый руководитель. Таков классический пример кружка — Пушкинский лицей. Тогда они сами дурили и развлекались, а над ними были гениальные педагоги, которые умудрились создать цвет России. Это была их работа. Таким педагогом был Гехтман, который создал гимназиста Флоренского и соучеников Флоренского в гимназии. Таково братство Вернадского, но там без руководителя сверху. Они сами объединились и были братьями. И те, и другие кружки одноразовые, которые как создались, так и жили.

 Другая форма кружка — это «Петрограф», который можно уподобить... вот в водопроводной трубе стоит комок проволоки, и вся вода через него протекает, уже трансформируясь, а он стоит постоянно.

У Вернадского весь комок пошел вместе с водой. А тут такой вот. Таков классический кружок юных

биологов зоопарка. Он и сейчас такой же, с теми же традициями, с теми же правилами, с той же этикой. Вот где воспитание осуществляется через старших к младшим. Для этого требуется высочайшая этика отношений, юношеская этика, романтическая. Как правило, тут нет любви и секса, это происходит позже и на стороне.

Хотя теперь каждый из нас искренне жалеет, что не женился там на той, на той. И они тоже говорят: «Мальчишки, какие вы дураки, что на нас не женились». Но нет. Сейчас на 1-е мая к нам затесалась «болотная жаба» — провокаторша демократическая. А у нас правило, мы все-таки дети традиции, которые закладывались в сталинское время. Запрет, табу говорить о политике у костра. Боялись. И так как тут бегают внуки, дети, то секса и мата нет. И вообще на эти темы не говорят, запрет. Тем более, мы все биологи, для нас это как бы немножко другая...

Тут она затесалась, откуда она взялась, я не знаю, эта болотная жаба. Вечером она отравляла нам жизнь политикой и тем, что выборы идут плохо, надо устраивать хорошие выборы. Но я-то прекрасно знаю, что некого и выбирать-то... Но я взорвался, когда она сказала «эта страна». Я сказал: «Вот это принципиальный ров, через который я готов стрелять. Для вас „эта страна“, для меня — родина. И те, для кого эта страна „эта страна“ — мои враги кровные». После нее я отключился, а она нам дальше... ну, опытный, грамотный провокатор, как эти вот «болотные» агитаторы. Они, по-видимому, научены очень хорошо. Хорошо провоцировала. А утром начала разговор за «голубых», за их права и обязанности. А тут все женатые бабушки и дедушки. Я уже не ввязался, потому что если бы ввязался, материться начал бы, а тут дети. Но две были реакции. Один из нас взял бутылку, а там бутылок было, сколько хочешь, мы уже много-то не можем выпить, так что бутылки есть всегда, рюмки раздал: «Ребята, давайте выпьем за лесбиянов!» (*Смеются.*)

Дамы зашипели: «Че?» — «За лесбиянов, за тех, кто девушек любит!» — «А, давай выпьем». (*Смеются.*) И второе, наши дамы сказали: «А мы организуем против них контрдемонстрацию, пойдём по улице Горького со своими мужьями и будем прилюдно целоваться с ними».

Ю.С.: Понятно.

П.Ф.: Эта традиция, система, она вне возраста, все мы обязательно на «ты», она держится. Это кружок. У нас были гениальные руководители, великие люди: ППС, Петр Петрович Смолин, о котором вы, несомненно, слышали.

Ю.С.: Я его видел один раз.

П.Ф.: Вот он был много лет нашим руководителем, потом его выдавили из зоопарка, он стал ВООПят учить. ВООП — это Всесоюзное общество охраны природы. Так что некоторые традиции и принципы я закладывал.

Ю.С.: «Петрограф» был на КЮБЗ похож как-то?

П.Ф.: «Петрограф» — другая фаза все-таки, это уже половозрелые люди.

Ю.С.: Студенты, да-да-да.

П.Ф.: Кстати, очень мало было романов в «Петрографе», занимались другим, сублимировали в другое. Потом уже. А впрочем, с другой стороны, женятся-то в основном на пятом курсе, а в «Петрографе», в значительной степени я захватывал людей на первом-втором курсе, когда еще жива юношеская романтика, еще нет прагматизма. И девчонки до второго курса интересны, красивы. На третьем курсе все, без исключения: «уж замуж невтерпех». Они уже целиком заняты этим местом и замужеством. У них пропадает интерес к науке, к романтике, ко всему. Всё, они уже неинтересны, их уже не надо учить. Третий курс — девчонки неинтересны и, кстати, начинают дурнеть. На втором, я это девчонкам всегда говорю на занятии: «Девочки, учтите, что максимум второй курс». — «А потом?» — «А потом будете дурнеть, если не будете следить за собой. Макияж, сделать зарядку, здоровье, любовника надо завести, тогда может быть, сохранитесь. Но то, что вам дано от природы, реализовывайте на втором курсе, а дальше

уже пойдете вниз. Да и глупеете, потому что вам уже пора рожать детей, святое дело, но уже не до науки». Обижаются, но я это второкурсницам говорю. Вот так. То есть я профильтровывал весь курс через себя. На некоторые поездки с ночевкой в лес, утром пошли на карьеры, выезжало по пятьдесят человек, курс сто человек. Вот я такие вещи умудрялся поднимать. А уже в дальние поездки, в Хибины, на Кавказ, десять, двадцать человек ездило.

Должен сказать, что ни одного предателя со стороны моих студентов не было. Никого, и по отношению друг к другу. Я очень горжусь своими ребятами. Ни одной подлости, ничего.

” Люди распределяются по золотому сечению: две трети на мыло, это, так сказать, для шума — бараны; одна треть, которая может действовать, принимать какие-то решения и руководить. Максимум два процента — те, кто могут генерировать идеи, мысли, что-то такое. И гораздо меньше одного процента — те, кто их реализовывает. Это гении, это суперлюди. Это Пушкины, Гитлеры, Ленины, Сталины, Толстые, те, кто трансформирует мир своей жизнью.

Мы с вами естественники, поэтому от «хорошее-плохое» мы уходим. Это не принципиально.

О своих учениках

Две трети — бараны, конечно, надо учить, они будут работать и всё, но каждый из нас, преподавателей, мечтает, что лучшая доля процента пройдет через его руки. У меня три было талантливых по-настоящему человека. Один из них Женя Забелин. Удивительный был человек, но женился на Тамаре. А Тамара — это очень тяжелое имя, которое раздавливает кого угодно. Не дай Бог.

Ю.С.: Имя имеет значение?

П.Ф.: Абсолютно. Одним словом, она его погнала (он тут в аспирантуре был) погнала на Север работать, в Мурманскую область. Там он работал и всё, в производстве погряз. Его таланты были не нужны. А потом поехали они во Вьетнам, там работали азербайджанцы, которым работа была не нужна, они его, по моему, убили.

Ю.С.: То есть физически убили?

П.Ф.: Думаю, что да. Ну, авария, трос, еще что-то такое, он упал в море — официальная версия такая. Женя Забелин.

Саша Кривошеев. Кривошеев — он такой вот, из казачьей фамилии, все наперекор. Сейчас он на пенсии, издал книжку «О названиях драгоценных камней», забыл, как называется эта штука у первосвященника. Анализ на всех языках драгоценных камней. Издал книжку «Топонимика движения венгров». Путь венгров с Поволжья через Предкавказье туда — по топонимике названий.

Ю.С.: Совсем не геологическая.

П.Ф.: Потом «Топонимика рек», например Бобровой. Так это никакой не бобр, а от шума реки. Я просто пример говорю. Что же еще? А! Сейчас издает «Топонимику Священного Писания». Ругается страшно, говорит: «Эта богословская энциклопедия не знает ни географию, ни историю, ни языков». Саша Кривошеев.

Ю.С.: Он геологом-то работал?

П.Ф.: Да, да-да, он очень много по экспедициям мотался, работал успешно. Но вот научные свои — сюда

направил. А последний Саша Рыскин. Сейчас плохо ему, он вот такой стал. Он нефтепромысловик, для него месторождение нефти как тарелка для нас с вами. Он сюда закачивает одно, сюда другое, отсюда выкачивает, тут горячее, вот тут холодное. И брошенные, изуродованные хищнической добычей месторождения у него начинают давать нефть на достаточно высоком уровне. Он эту методику разработал, ее у него украли, он был одно время миллионером, но потом все. А он жизнелюб, сейчас у него хобби собирать минералы. Может поехать в Ульяновскую область, за сто тысяч купить аммонит (*смеется*). Денег у него, как у каждого коллекционера, конечно, нету. Его отовсюду выдавили, пытается устроиться, но никому идеи не нужны, а если и нужны, то на три четверти пилить деньги надо. Он чеченцам очень помог, но три четверти у него отобрали.

Ю.С.: А методику он не запатентовал?

П.Ф.: Да у него десятки патентов, а что толку? А потом, понимаете, такого рода методика, будучи рассыпана, оказывается банальностью. А маленький такой пустячок соединить, и она работает. Запатентовал. В общем виде ее используют, но не так эффективно, как он мог бы. Вот три у меня настоящего талантливых ученика было, которыми горжусь.

Ю.С.: Немного, вообще говоря.

П.Ф.: По-моему, очень много. Нет, многие работают и все такое. Потом меня не допускали до дипломов, понимаете, я сейчас так говорю, а у меня дипломников почти не было.

Ю.С.: Почему?

П.Ф.: А это часы, которые довольно легкие, начальство их забирало себе, дипломников. Собственно, все дипломники, аспиранты и прочие — все были моими кружковцами, то есть я вытягивал лучших студентов из факультета и приводил их на кафедру. Думаю, что я вызывал сильное раздражение. А потом я человек независимый, не любил стелиться. Тут у меня интервью брали для «Студенческого меридиана».

” Я сказал: «Да нет, я карьеры не сделал, потому что карьеру надо делать около начальства, а я не люблю быть около начальства, ему ведь служить надо, а я предпочитал служить студентам».

Ю.С.: Думаете, карьеру надо около начальства?

П.Ф.: В той атмосфере, в которой я был, я должен был иметь поддержку начальства и двигаться. Ну, а потом я действительно, не сделал... нет, я много чего сделал, но как только начинались напряжения, я бросал. Почти все работы я доводил до уровня понимания меня, а потом бросал.

Ю.С.: Хорошо. Сегодня наша первая часть беседы, я чувствую, вам надо бежать.

П.Ф.: Да, мне уже нервничать и собираться.

Ю.С.: Тогда сегодня кончено, но нужна еще одна.

П.Ф.: С богом.